

Академик Н. М. ДРУЖИНИН

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ В СРАВНЕНИИ СО СТРАНАМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США *

* * *

Крымская война, разразившаяся в 1853 г., как писал В. И. Ленин, «показала гнилость и бессилие крепостной России»¹. Техническая, промышленная и административная отсталость России стала причиной ее военного поражения. Война оказала такое же отрезвляющее действие на страну, какое произвели на Пруссию события 1807 г. Крепостное право должно было пасть, но оно не было сметено революцией народа, а было упразднено сверху правительственной реформой.

Во Франции остатки феодализма были ликвидированы законами революционного Конвента 1793 г. — за крестьянами закреплялись полностью их участки без всякого денежного вознаграждения. В Соединенных Штатах Америки в период второй буржуазной революции освобождение рабов не сопровождалось наделением земельными участками, как этого требовали передовые демократические круги; однако закон о гомстедах открывал неграм возможность бесплатно осваивать и обрабатывать пустующие земли.

Пруссия и Россия пошли по иному пути: под сильным давлением помещиков и под угрозой стихийного крестьянского восстания правительство взяло на себя подготовку законопроектов, исходя прежде всего из интересов имущих классов. Прусская буржуазия не только в 1807—1816 гг., но и в 1848 г., когда в Берлине и в провинции бушевала народная революция, оказалась политически бессильной и лишенной самостоятельной инициативы. Еще меньше политической энергии после крымского поражения обнаружил неоформившийся класс российской буржуазии. Если в 1848 г. в Пруссии под влиянием революционных демократов образовались крестьянские фёрейны, потребовавшие радикальной реформы аграрных отношений, то в России в 1856—1860 гг. дело ограничилось «трезвенными бунтами» и разрозненными протестами против обезземеления; революционно-демократическая интеллигенция была малочисленна и организационно не связана с массами. Либеральные помещики при подготовке реформы старались опереться на опыт Пруссии (достаточно вспомнить апологетическую монографию об отмене крепостного права в Пруссии, опубликованную в 1858 г. одним из влиятельных авторов Положений 1861 г. Ю. Ф. Самариным).

Сопоставив содержание соответствующих законов Пруссии и России, мы убедимся в сходстве их основных принципов и в то же время в их существенных отличиях к явной невыгоде российского крестьянства. Давление крепостников царской империи оказалось значительно сильнее, а уступки,

* Окончание. Начало см. в № 4 нашего журнала за 1972 г.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173

сделанные крепостнической оппозиции,— значительно большими. Даже на первоначальной стадии подготовки законопроектов правительство передоверило эту задачу дворянским губернским комитетам. После долгих колебаний оно решило по прусскому образцу превратить крестьян в собственников существующих земельных наделов, но вместе с тем приняло крепостнические поправки, внесенные в проект Редакционных комиссий крупными землевладельцами.

И в Пруссии, и в России было намечено три этапа реформы: личное освобождение крестьян; регулирование взаимных отношений крестьян и помещиков; выкуп феодальных повинностей крестьянами (формально он был назван в России «выкупом земли»). В Пруссии личное освобождение крестьян было провозглашено в 1807 г. и вступило в силу через три года. В России (за исключением Прибалтики, где объявление личной свободы крестьян состоялось в 1816—1819 гг.) оно произошло через 50 лет после прусских эдиктов, а в Грузии — еще позже. На весь период временно-обязанных отношений, т. е. до выкупа земли, в России сохранялись остатки личной зависимости бывших крепостных от прежних владельцев. В Пруссии регулирование взаимных отношений крестьян и помещиков по законам 1850—1852 гг. заключалось в денежной оценке земельных повинностей, в упразднении барщины и в закреплении за бывшими крепостными существующего надела. При этом на основании выработанных обязательных правил производился учет всех прав и обязанностей, лежавших на каждом земельном участке, а возникавшие споры разрешались третейскими судьями, т. е. с участием крестьян. Несмотря на различие отдельных провинций, перевод повинностей на деньги происходил в Пруссии по единообразным правилам.

В России, в силу разнообразия экономических условий, определение взаимных отношений между крестьянами и владельцами варьировалось по районам и по категориям феодально-зависимых земледельцев и растянулось на целое десятилетие. В 1861 г. были обнародованы особые Положения о русских, украинских, литовских, белорусских, сибирских губерниях и Бессарабии, о рабочих частных заводов и фабрик и о мелкопоместных имениях. В 1863 г. было издано особое Положение об удельных крестьянах. В 1864—1870 гг. были опубликованы различные законы о крестьянах Грузии, Армении и Азербайджана. В 1866 г. очередь дошла до государственных крестьян.

В отличие от Пруссии в России было отдано предпочтение «добровольным соглашениям» между помещиками и крестьянами перед общеобязательными нормами закона. Уставные грамоты, определявшие размеры наделов и повинностей, составлялись самими помещиками, скреплялись мировыми посредниками, т. е. местными помещиками, и в случае крестьянских жалоб разбирались и утверждались Губернскими присутствиями, т. е. местными помещиками и чиновниками, стоявшими на точке зрения господствующего класса. По прусскому закону 1850 г. крестьяне получали в собственность свой надел в полном объеме, включая леса и подземные недра. В России допускались обширные отрезки от существующего надела, причем крестьяне, за исключением северных районов, лишались лесов, а в случае открытия полезных ископаемых теряли соответствующие участки, которые заменялись другими. Предусматривалось — уже после составления уставных грамот — размежевание земель, которое фактически, как показала практика, приводило к замене лучших угодий худшими в отношении почвы, положения и т. д.

Выкупная операция по прусским законам 1850-х годов была связана с регулированием и следовала за ним в обязательном порядке; обе операции начинались по заявлению одной из сторон — в этом отношении помещики и крестьяне были уравнены в правах. В России регулирование было обособлено от выкупа и, если добровольное соглашение не имело места, детально регламентировалось правительственным законом: размеры на-

делов и повинностей были установлены самой государственной властью для каждой полосы и каждой местности. Составление и реализация уставных грамот были обязательными, но выкуп мог начаться только по добровольному заявлению помещика, независимо от согласия или несогласия крестьян. Положения 19 февраля не назначали помещикам никакого срока для прекращения «временнообязанных» (т. е. феодальных) отношений. Исключение составляли удельные крестьяне, которые на основании закона 1863 г. были сразу переведены на выкуп, а также крестьяне Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии, переведенные на обязательный выкуп под влиянием Польского восстания 1863 г. Частновладельческие крестьяне остальных районов, еще остававшиеся на положении «временнообязанных», были подчинены закону об обязательной выкупной операции только через 20 лет, в 1881 г. На государственных крестьян выкупная операция была распространена еще позже, в 1886 г.

И в Пруссии, и в России выкупная операция была произведена при содействии государства, выдававшего помещикам на руки долговые обязательства и взимавшего рассроченные суммы ежегодными взносами непосредственно с крестьян. В Пруссии эту операцию производили местные рентные банки, причем помещики получали по долговым обязательствам доход в 4%. К 1865 г. почти все крестьянские участки уже были выкуплены. В России функции выкупного учреждения выполнял Государственный банк, помещикам был гарантирован более высокий процент (5% вместо общепринятых 4%), а крестьяне должны были вносить в казну еще больше — 6% выкупной суммы, в том числе 1% на погашение долга и на административные расходы.

Результатом русских законов 1861 г. было накопление излишних сумм в государственной казне и нарастающая недоимочность крестьян, для которых были непосильны назначенные выкупные платежи. Для Грузии, Армении и Азербайджана не только обязательный выкуп, но и содействие государства для поощрения инициативы помещиков не были предусмотрены. Наконец, одной из самых отрицательных сторон Положений 1861 г. было разрешение помещикам предоставлять крестьянам, с их согласия, крайне уменьшенный даровой надел. Большинство этих «дарственников» превратились в обнищавших хозяев, которые должны были забрасывать земледелие и искать средств существования в аренде помещичьей земли или в переходе на внеземледельческие заработки.

Регулирование и выкуп — одинаково и в Пруссии, и в России — не распространялись на все население деревни. После законов 1807—1816 гг. многие владельцы мелких участков, не подлежавших регулированию, лишились земли и сделались батраками. Такая же судьба постигла некоторые категории прусских крестьян после законов 1850-х годов. В России не получили земли дворовые, ранее оторванные от нее помещиками, а полевого надела — рабочие крепостных фабрик и заводов. Наконец, в отличие от Пруссии царское самодержавие сохранило феодальный институт поземельной общины и неразрывно связанную с ней круговую поруку, сковывавшую личную инициативу земледельца.

Таким образом, и в Пруссии, и в России отмена крепостного права была произведена в интересах класса помещиков, но условия освобождения в России были значительно тяжелее, чем в Пруссии. Само содержание изданных законов предопределяло для земледельческих масс Российской империи более трудные условия перехода к самостоятельному хозяйству. Другими словами, российский вариант прусского пути аграрно-капиталистического развития, а следовательно, и утверждения капиталистической формации был наименее прогрессивным и замедлял хозяйственное развитие деревни².

² «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. V. М., 1968; «Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». М., 1916; Г. Ф. К и а п ц. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных

Тем не менее реформы 1860-х годов — не только отмена крепостного права, но и последовавшие преобразования судебного, административного и просветительного характера — послужили рубежом между двумя формациями. Личное освобождение частновладельческих и удельных крепостных открыло перед ними возможность самостоятельного распоряжения своей рабочей силой и дало толчок развитию личной инициативы и предприимчивости. Однако первое 20-летие после реформы 1861 г., пока окончательно не был разрешен аграрный вопрос, представляло собой переходную стадию. В этом отношении оно сходно с положением Пруссии между эдиктом 1816 г. и законами, изданными под влиянием революции 1848 г.

В течение 1861—1881 гг. капитализм в российской промышленности успел одержать полную победу. Под влиянием буржуазных реформ процесс первоначального накопления прошел последний этап и обеспечил преобладание системе капиталистической эксплуатации. Реформа 1861 г. выбросила на рынок рабочей силы значительные массы крестьян и рабочих, не получивших земельного надела, дворовых, ранее обезземеленных рабочих, «дарственников», а также сельских хозяев, разоренных в результате кулацкого ростовщичества, непосильных выкупных платежей и возросших налогов. Несмотря на все усилия стать независимыми хозяевами, парцеллярные собственники были вынуждены забрасывать земледелие и искать средств существования целиком или частично в качестве фабричных рабочих или сельских батраков. Это явление было особенно распространенным в нечерноземном районе с его истощенными почвами и скудными отмежеванными наделами. Процесс разложения крестьянства, его «раскрестьянивания», В. И. Ленин считал важнейшим последствием реформы, «чистой земель» для капитализма³.

Наряду с формированием пролетариата, свободного от крепостной зависимости и в то же время от средств производства, происходило лихорадочное, все более возрастающее накопление капиталов. Выкупные платежи, установленные реформами 60-х годов, в течение 20 лет перекачивали крестьянские средства в руки государства, помещиков, оборотливых купцов и беззастенчивых спекулянтов, игравших на колебаниях курса процентных бумаг. Вскоре после реформы 1861 г. стали возникать многочисленные кредитные учреждения — Государственный, общественные и частные банки, которые аккумулировали накопленные средства и пускали их в оборот, пользуясь повышенной рыночной конъюнктурой. Началось быстрое образование акционерных обществ; многие из них финансировали развивающуюся промышленность. Сюда притекали и крупные суммы от разбогатевших кулаков, торговцев, помещиков, охваченных жаждой быстрого обогащения. Промышленное акционирование за 13 лет, с 1861 по 1873 г., дало 128,9 млн. руб., т. е. 11% всего акционерного капитала, а за следующие 8 лет, с 1874 г. по 1881 г., уже 177,4 млн. руб., т. е. 58% всех акционерных вкладов. Наконец, немалую роль сыграли инвестиции иностранного капитала, которые устремились в Россию в расчете на использование дешевой рабочей силы и на высокие прибыли. Со своей стороны, дворянское государство, испытывавшее хронические финансовые затруднения, после временного увлечения фритредерской политикой вернулось к прежней протекционистской системе и поощряло развитие промышленности и транспорта таможенными тарифами, гарантиями, субсидиями и кредитными ссудами.

К концу 1870-х годов процесс первоначального накопления обеспечил прогрессирующий рост крупных предприятий: по данным официальной

рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб., 1900, стр. 182—270; Ю. Ф. Самарин. Упразднение крепостного права и устройство отношений между помещиками и крестьянами в Пруссии.— Соч., т. II. М., 1878.

³ См. В. И. Ленин. Поли. собр. сщ., т. 4, стр. 431; т. 16, стр. 254.

статистики, критически обработанным В. И. Лениным, в России функционировало 1238 крупнейших фабрик, на которых было занято 509 643 рабочих и производилось продукции на 629 926 тыс. руб.⁴

Особенно больших успехов достигла текстильная промышленность, работавшая преимущественно на внутренний спрос, в первую очередь хлопчатобумажная, которая все более и более завоевывала деревенский рынок: в этой передовой отрасли производства количество рабочих выросло с 76,3 тыс. в 1865 г. до 167 тыс. в 1880 г. Однако прогрессирующий рост наблюдался и в других отраслях производства, в частности в машиностроении: в 1865 г. оно занимало 17,8 тыс. рабочих, а в 1880 г. — 43,9 тыс. Быстрыми темпами возрастала добыча железной руды, каменного угля и нефти. Впереди шли Московский промышленный район и Петербург; крупное экономическое значение приобрели Прибалтика, Украина с ее обработкой сельскохозяйственных продуктов и возникающие на основе новой техники металлургические предприятия европейского юга.

Важным фактором, закрепившим победу капитализма, было широкое развертывание и завершение промышленного переворота. В. И. Ленин считал основным показателем этого процесса увеличение числа паровых двигателей: в его статистической таблице из 3319 крупнейших предприятий 2065 работали при помощи пара⁵. Не менее крупным показателем было преобразование транспорта: после Крымской войны, а еще больше после реформы, были проведены важнейшие железнодорожные линии, соединившие земледельческие районы с промышленными центрами и приморскими портами. Если в 1860 г. Россия имела 1626 км железных дорог, то в 1881 г. протяженность железнодорожной сети равнялась 23 091 км. На речных торговых артериях пароходное сообщение вытеснило старую бурлацкую тягу и примитивные коноводные машины. Техническому перевооружению страны содействовали не только развивающееся машиностроение, но также усиленный импорт машин, паровозов и рельсов.

Уже в 60—70-х годах Россия прочно вошла в систему мирового хозяйства и подверглась влиянию его циклических колебаний: периоды экономического подъема и сопровождающего его грядущего время от времени сменялись кризисами и депрессиями. Окончательно сформировались антагонистические классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат с его неизбежным придатком — резервной армией безработных тружеников.

Развитие капиталистической промышленности дало сильнейший толчок дальнейшему росту внутренней и внешней торговли. Товарно-денежные отношения стали внедряться в самые захолустные районы страны, потоки зерновых грузов хлынули в промышленные районы и в приморские гавани, в старые и вновь возникающие города. Фабричная продукция пробивала себе дорогу на Восток, в менее развитые азиатские государства. Денежный чистоган разрушал застойные патриархальные отношения натурально-хозяйственного строя. Показателем этих экономических изменений могут служить сведения о внешней торговле: в 1860 г. ее оборот равнялся 340 686 тыс. кредитных рублей, через 10 лет он поднялся до 695 885 тыс. руб., а в 1880 г. — вырос до 1 121 484 тыс. руб.

Совершенно иначе происходило развитие пореформенного сельского хозяйства. Экономическая отсталость крепостной деревни не могла быть изжита в течение первого 20-летия после реформы. Большой процент сохранившихся феодально-зависимых крестьян в частновладельческом и государственном секторах и, что особенно важно, недостаток денежных капиталов сильно мешали развитию капитализма в этой основной отрасли народного хозяйства. На узость денежного рынка одинаково указывали

⁴ Под крупнейшими фабриками В. И. Ленин разумел предприятия, имевшие 100 и более рабочих (по всем производствам).— См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 510.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 510.

и современники, и позднее ученые-экономисты. Если накопления денежных средств было достаточно для развития крупной промышленности, то его сильно не хватало для преобразования земледелия и животноводства. К тому же господствующий класс крупных землевладельцев мало интересовался рационализацией сельского хозяйства и вынес из крепостной эпохи привычку к экономическому паразитизму. Правда, более предприимчивая часть помещиков, особенно в Прибалтике и на Украине, сумела приспособиться к новым условиям: завести живой и мертвый инвентарь, приобрести сельскохозяйственные машины, заменить систему дарового труда наймом свободных — годовых, сезонных и поденных — рабочих. Из числа кушцов, разбогатевших крестьян и помещиков сформировалась прослойка аграрной буржуазии, которая постаралась извлечь всевозможные выгоды из преобразованного капиталистического хозяйствования.

Однако общая экономическая обстановка, созданная реформой 1861 г. (острый недостаток земли и денежных средств у крестьян, экономическая зависимость и неполноправность мелких сельских производителей, давление крепостнически настроенной администрации), плохо стимулировала политику строгого расчета и технического перевооружения российской деревни. В свое время в Англии крупные латифундии были раздроблены на отдельные фермы и стали арендой передового капиталистического земледелия. В России крупные латифундии уже в 60—70-х годах превратились в опору крепостнических пережитков: они сдавались в аренду по частям не капиталистическим фермерам, а малоимущим крестьянам на кабальных условиях испольщины, взвинченных цен и натуральных отработок; если их снимали купцы или сельские кулаки, то они разбивали снятые земельные пространства на мелкие участки и втридорога пересдавали их нуждающимся сельским обществам, товариществам или полуразоренным хозяевам.

Феодальные пережитки сохранялись и в других формах — благоприятного зимнего найма на условиях, крайне невыгодных для сельских рабочих, предоставления денежных ссуд под отработки и т. д. Рядовому мелкому крестьянину было недоступно приобретение усовершенствованных орудий и улучшенного скота; земледельческая техника оставалась рутинной и крайне отсталой. Неурожаи и эпизоотии продолжали свирепствовать и в пореформенную эпоху. В нечерноземной полосе крестьяне искали спасения в подсобных заработках, в отходе на фабрики и заводы и в мелких деревенских промыслах. Из Центрального черноземного района, где раньше было особенно развито крепостное право и где упорнее всего сохранялись феодальные пережитки, крестьяне по-прежнему переселялись на юг и юго-восток — в теплые края, на целинные неосвоенные земли — туда, где крепостничество было развито меньше и открывались перспективы более обеспеченного существования. Так же, как в предшествующие столетия, ценою тяжелых усилий и потерь переселенцы заново заводили самостоятельные хозяйства; уцелевшие и приспособившиеся земледельцы использовали природные богатства благодатного края и создавали очаги крепкого земледелия и животноводства, принимавшие форму фермерского капиталистического хозяйства. Чем плотнее становилось население Южной Украины («Новороссии») и Предкавказья, тем больше перемещался в эти районы центр земледельческого производства⁶.

* * *

Завершение промышленного переворота, совпавшее с окончательной ликвидацией феодальной системы, вовсе не означало полного вытеснения ремесленного и мелкотоварного производства развивающимися капиталистическими предприятиями. В огромной аграрной стране, отягченной

⁶ См. В. И. Лени н. Полн. собр. соч., т. 3; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. V; П. И. Ля щ е н к о. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1952; П. А. Х р о м о в. Экономическое развитие России в XIX—XX веках.

патриархальными пережитками и различным уровнем экономического развития разных народов, не могло быть быстрого и прямолинейного перехода от феодального строя к капиталистическому. Кардинальный вывод о многоукладности социально-экономической структуры капиталистической России был на большом фактическом материале обоснован В. И. Лениным еще в конце XIX в. Победивший капитализм не исключал наличия ни ремесла, ни мелкотоварного производства, ни мануфактуры, которые возникали и до известного момента развивались в более отсталых отраслях промышленности. Не исчезали, а продолжали существовать обреченные на постепенное умирание примитивные формы «соединения промысла с земледелием»: такие явления наблюдались не только в глухих районах Европейской России и Сибири, но и в губерниях с развитым промышленным капитализмом. Многоукладность была общим явлением всех капиталистических стран на определенных этапах развития новой формации. В России в силу своеобразия ее природных, демографических и исторических условий она оказалась более живучей и более ярко выраженной, чем в Западной Европе, не исключая Пруссии начала XX в. ⁷

В результате многовекового внутренне противоречивого развития русской деревни сложились объективные предпосылки для двух возможных путей аграрно-капиталистического развития, о которых говорил В. И. Ленин, — «прусского» и «американского». В центральных и западных районах Европейской России особенно сильно ощущались последствия русского варианта «прусского пути»; в колонизирующихся районах юга и юго-востока, где преобладали потомки бывших крепостных беглецов, колонисты и новые переселенцы, создалась основа для явления, сходного с американским скваттерством. От последующего экономического развития страны и от революционной энергии трудящихся масс зависела возможность окончательной победы того или другого пути в российской пореформенной деревне. Именно эта социально-экономическая проблема была основной и волнующей в условиях нового капиталистического строя ⁸. Ее не смогла разрешить в наиболее прогрессивном варианте буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., но ее не смогла разрешить в обратном направлении и столыпинская реформа, продиктованная интересами помещичьего класса. Только Великая Октябрьская социалистическая революция, передавшая власть пролетариату и поддержанная крестьянством, сняла с очереди поставленную проблему и выдвинула новую задачу — полного социалистического преобразования города и деревни.

раздел II. М., 1950; А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958; И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960; его же. Русские коммерческие банки. М., 1948, гл. I; его же. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX века. — «Вопросы истории», 1959, № 5; В. И. Бovyк и И. Индустриальное развитие России до 1917 года (доклад на V Международном конгрессе по экономической истории); Н. М. Дружинин. Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882 гг.). — «Вопросы истории», 1968, № 12; В. И. Чаславский. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. — «Сборник государственных знаний», т. II. СПб., 1875; В. К. Яценский. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185—187, 377—380, 542—552, т. 43, стр. 206—210; П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX века. — «История СССР», 1961, № 2; его же. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. — «История СССР», 1963, № 4; И. Ф. Гиндин. Проблемы модернизации и индустриализации и их видоизменение с XVI по XX век (рукопись к V Международному конгрессу по экономической истории); Л. И. Иванов, К. Тарновский. Общественно-экономическая структура России. Проблема многоукладности (доклад на V Международном конгрессе по экономической истории).

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 193—195; А. М. Анфилов. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России. — «Вопросы истории», 1965, № 7; Е. И. Дружинина. В. И. Ленин о развитии капиталистических отношений в южных и юго-восточных районах Европейской России. — «Актуальные проблемы истории России периода феодализма». М., 1970, стр. 375—397.